

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

**SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL**

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2024.03.01

ГЕРМАНО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА И ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Горохов В.Н.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье рассматривается германо-польская война в сентябре-октябре 1939 г. и действия руководства СССР на фоне вторжения Третьего рейха в Польшу. Особое внимание уделено подготовке, целям, ходу и результатам Польской кампании, главным итогом которой стала успешная реализация стратегических задач, поставленных перед Красной армией партийно-государственным руководством страны. Анализируются положения Договора о дружбе и границе 28 сентября 1939 г. между СССР и Германией, приводятся его разные оценки в историографии, рассматривается его значение в контексте реализации геополитических задач Советского Союза и Германии. Договор установил разграничительную черту «в качестве границы между обоюдными государственными интересами» на территории бывшей Польши. Гитлеровская Германия по итогу германо-польской войны и заключения договора с СССР смогла сконцентрировать военную мощь для осуществления своей экспансионистской программы на западном направлении, в то время как международные позиции Великобритании и Франции значительно ухудшились. Несмотря на геополитические успехи СССР такие, как перенос границы на запад и получение свободы действий в Прибалтике, наличие общей границы с Германией являлось оборотной стороной двустороннего договора и представляло угрозу: польская территория, оккупированная Третьим рейхом, могла быть использована в качестве плацдарма для нападения на Советский Союз.

Ключевые слова

Вторая мировая война, внешняя политика Германии, внешняя политика СССР, Договор о дружбе и границе

Введение

Наибольшую активность в связи с германо-польской войной – как дипломатическую, так и военную – проявил Советский Союз, представлявший собой третий силовой центр мировой политики. В своих действиях руководство СССР, как и ранее, исходило из концепции, сочетавшей геостратегический и идейно-классовый компоненты. Причем первый из них имел приоритетное значение. Важнейшей целью советской внешней политики провозглашалось не разжигание мировой революции, а обеспечение безопасности и укрепление международных позиций страны за счет использования «межимпериалистических противоречий». 7 сентября 1939 г. в беседе с Г. Димитровым и другими руководителями Коминтерна И.В. Сталин в доходчивой форме охарактеризовал международную обстановку и определил внешнеполитические задачи СССР в условиях начавшегося общеевропейского конфликта: «...Война идет

между двумя группами капиталистических стран (богатые и бедные в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не против, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону» [7, С. 10-11]. Идеино-классовая составляющая этой концепции проявилась в том, что вопреки решением VII Конгресса Коминтерна Москва объявила «устаревшим» деление капиталистических стран на «демократические» и «фашистские» и призвала рабочий класс вести борьбу за свержение своих правительств, несущих равную ответственность за развязывание новой мировой войны. Иными словами, агрессия Германии рассматривалась как своего рода ускоритель перехода власти из рук буржуазии в руки трудящихся. «Гитлер, – утверждал в этой связи Сталин, – сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему...» [7, С. 10-11]. Таким образом, если первый компонент комментируемой доктрины в той или иной мере соответствовал реальной действительности при неправомерном принижении глобальной угрозы фашизма, то второй носил иллюзорный характер и дезориентировал антифашистские силы.

Политика СССР. Польская кампания: ход и итоги

Первым крупным шагом на пути реализации геополитических устремлений Кремля стал, как его называли в советской печати, «Великий освободительный поход Красной армии» в Польшу. Успешному проведению этой операции способствовал целый ряд благоприятных для СССР факторов: договоренность с Германией о разграничении сфер интересов двух держав на территории, принадлежавшей Польскому государству (согласно секретному протоколу к пакту Молотова – Риббентропа); молниеносное продвижение частей вермахта, разгромивших практически все боеспособные соединения Войска Польского; политика «странной войны» западных держав, сознательно отказавшихся от оказания помощи своему союзнику. Более того, нацистское руководство Германии оказывало энергичное давление на Советский Союз, понуждая его выступить против Польши как можно скорее, дабы связать СССР со своим внешнеполитическим курсом и разделить с ним ответственность за развязывание войны. Министр иностранных дел И. Риббентроп через германского посла в Москве В. Шуленбурга несколько раз запрашивал своего коллегу В.М. Молотова, когда же начнется наступление русских. И хотя нарком в привычной для него манере кратко отвечал «в ближайшие дни» [17, С. 86], советское правительство выжидало, внимательно следя за развитием событий и выбирая подходящий момент для решительных действий.

Такой момент, по мнению руководства СССР, настал 17 сентября, когда правительство Польши, утратив контроль над страной, бежало в Румынию. В тот же день польскому послу В. Гжибовскому была вручена нота, в которой излагались причины и определялись цели начавшегося похода Красной армии. В документе говорилось: «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставшаяся без руководства, Польша превратилась в удобное поле для военных случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными» [5, С. 96]. Как следует из представленного текста, в обоснование польского похода выделялись две основные позиции. Во-первых, подчеркивалась необходимость восстановления исторической справедливости, т. е. освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии, отторгнутых от России в результате советско-польской войны 1919–1921 гг., а также защиты жизни и имущества «единокровного» населения этих районов. Во-вторых, в интересах обеспечения безопасности и укрепления стратегического положения СССР выдвигалась задача отодвинуть на запад границу, которая проходила в окрестностях Минска и недалеко от других крупных промышленных центров страны. За расплывчатыми формулировками по поводу «военных

случайностей и неожиданностей» легко угадывалось стремление отдалить исходные рубежи будущей агрессии со стороны нацистской Германии, поскольку ее лидеры не собирались отказываться от политики дальнейшего «расширения жизненного пространства» на Восток и в случае бездействия Советского Союза могли решиться на оккупацию всей польской территории. Так договорно оформленное сотрудничество с Германией сочеталось с антигерманскими по сути своей установками.

Дополнительной мотивацией для военной операции Красной армии являлась перманентная напряженность в советско-польских отношениях, крайне негативное мнение руководителей СССР о «буржуазно-помещичьей Польше». И на то были свои основания: поражение в войне с «белополяками» и заключение в 1921 г. унижительного для Советской России Рижского мира; внешнеполитический курс польского правительства в 1930-е гг., характеризовавшийся попытками максимально сблизиться с гитлеровским режимом на антисоветской основе; бескомпромиссная позиция Польши по вопросу о пропуске частей РККА, что стало одной из причин срыва англо-франко-советских переговоров в августе 1939 г. И.В. Сталин называл Польшу «фашистским государством, угнетающим другие народности», задавая при этом риторический вопрос: «Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население» [7, С. 11]. В.М. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., дал свою характеристику Польскому государству, объявив его «уродливым детищем Версальского договора» [10, С. 3].

«Освободительный поход» в Польшу начался утром 17 сентября. Он осуществлялся силами двух фронтов: Украинского (под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко) и Белорусского (под командованием командарма 2-го ранга М.П. Ковалёва) общей численностью около 618 тыс. человек [9, С. 119]. Польское командование, которое к этому времени лишилось большей части своей армии в сражениях с немцами, смогло противопоставить Красной армии несколько соединений пограничной охраны, насчитывавших 12 тыс. солдат и офицеров [8, С. 298]. Преимущество советских войск в вооружениях и боевой технике оказалось еще более значительным, чем численное превосходство. При таком соотношении сил вопрос об исходе военной операции в Польше по существу был решен в самом ее начале. Более того, полагая, что Красная армия вводится с целью ограничения зоны германской оккупации, главнокомандующий Войска Польского Э. Рыдз-Смиглы отдал приказ: «С Советами в бои не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток с их стороны разоружения наших частей...» [14, С. 91]. Тем не менее на отдельных участках фронта произошли локальные сражения (в районе Гродно, Львова, Вильно) [8, С. 303–325, 333–351], которые, однако, не могли оказать сколько-нибудь серьезное влияние на общий ход боевых действий. В этой связи следует упомянуть и еще об одном благоприятном для Красной армии факторе – поддержке со стороны украинского и белорусского населения. Как свидетельствуют многочисленные документы и рассказы очевидцев, советских солдат повсеместно встречали как воинов-освободителей [14, С. 91].

Главный итог Польской кампании, продолжавшейся 12 дней, состоял в успешной реализации стратегических задач, поставленных перед Красной армией партийно-государственным руководством страны: западная граница была отодвинута на 200–300 км; под контроль Советского Союза перешел обширный регион общей площадью более 190 тыс. кв. км, что составляло 49% довоенной территории Польши; в освобожденных районах проживало 12 млн человек, из них 7 млн украинцев и около 3 млн белорусов. 1–2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу Народных собраний Западной Украины и Западной Белоруссии об их воссоединении с УССР и БССР [5, С. 19–22]. Крайне важно отметить, что новые западные рубежи Советского Союза совпадали с линией Керзона, признанной еще в 1919 г. Антантой и международным сообществом в качестве законной и этнически обоснованной советско-польской границы.

В сравнении с германо-польской войной война советско-польская по указанным выше причинам сопровождалась гораздо меньшими потерями. Поляки потеряли 3,5 тыс. солдат и офицеров убитыми (в 19 раз меньше, чем в сражениях с вермахтом) и 20 тыс. ранеными. В плену, по

разным подсчетам, оказалось от 240 до 450 тыс. человек. Большая часть военнопленных были распушены по домам, арестовано от 14 700 до 15 130 «польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов и тюремщиков», которых расстреляли весной 1940 г. в Катынском лесу под Смоленском. Потери Красной армии составили 795 (по другим данным – 996) убитыми и около 2 тыс. ранеными [1, С. 493-494; 6, С. 31; 3, С. 86, 90-91; 9, С. 334-335, 337; 13, С. 282]. Таковы были основные итоги и последствия советско-польской войны.

Договор о дружбе и границе 28 сентября 1939 г.

28 сентября 1939 г. правительства СССР и Германии заключили Договор о дружбе и границе, который на двусторонней основе юридически оформил решение «польского вопроса». Ключевым положением документа стало установление разграничительной черты «в качестве границы между обоюдными государственными интересами» на территории бывшей Польши. Она проходила по рекам Нарев, Западный Буг и Сан, т. е. практически совпадала с линией Керзона. Однако в сравнении с секретным протоколом к пакту Молотова – Риббентропа секретный дополнительный протокол к новому советско-германскому соглашению содержал одно весьма существенное изменение в разделе о территориальном разграничении: по инициативе и под давлением советского руководства (И.В. Сталин провел по этому вопросу беседу с В. Шуленбургом еще 25 сентября) Литва переходила в сферу интересов СССР. Взамен германская сфера интересов распространялась на Люблинское и часть Варшавского воеводства. Это исправление означало, что в зону исключительного влияния Советского Союза вошли все три прибалтийских государства. Далее в тексте договора декларировалось: «Необходимое государственное переустройство западнее указанной линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР». В заключительной части соглашения содержался вывод о том, что обе стороны «рассматривают вышеприведенное устройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами» [5, С. 134–136].

В западной историографии и в ряде работ отечественных историков дается крайне негативная оценка как самому «освободительному походу» Красной армии, так и Договору о дружбе и границе, заключенному с нацистской Германией. Наиболее резкой критике подвергается внешнеполитический курс СССР при рассмотрении трех сюжетов названной тематики.

Во-первых, утверждается что Советский Союз при организации и проведении военной операции нарушил свои договорные обязательства перед Польшей (Рижский мир 1921 г. и пакт о ненападении 1932 г.), а также конвенции об определении агрессии, автором которых он сам и являлся [14, С. 96–97]. Что касается советско-польских соглашений, то они были не нарушены, а аннулированы в связи с исчезновением Польского государства, о чем говорилось в уже упомянутой ноте от 17 сентября и что вполне соответствовало нормам международного права. Оппоненты постфактум оспаривают это решение, доказывая, что Польша продолжала существовать как суверенная страна, поскольку функционировало ее эмигрантское правительство, но забывают при этом, что таковое во главе с генералом В. Сикорским было создано лишь 30 сентября в Париже [13, С. 284]. Однако главный аргумент, во многом опровергающий тезис о нарушении Советским Союзом международных соглашений, включая Лондонские конвенции об определении агрессии 1933 г., состоит в другом. Одно из общепризнанных установлений международного права предполагает сохранение силы договоров только «при неизменном положении вещей». В сентябре 1939 г. «положение вещей» было кардинально изменено: международно-правовые нормы мирного времени уступили место законам войны, которые и стали определять внешнюю политику любого государства, как участвовавшего в конфликте, так и нейтрального. В противном случае можно обвинить Англию и Францию, которые, объявив войну нацистской Германии, нарушили декларации, подписанные с ней 30 сентября и 6 декабря 1938 г. и равноценные по содержанию пактам о нападении [2, С. 260].

Во-вторых, обвинительным актом со стороны историков, занимающихся разоблачением советской внешней политики, стало изображение похода Красной армии с применением формулы «удар ножом в спину Польше», так как этот поход проходил во время немецкого блицкрига и сопровождался боевым сотрудничеством с вермахтом [14, С. 96–98]. Вышеприведенные выводы также представляются сомнительными. «Ножовой удар в спину Польше» мог быть нанесен только в случае одновременного выступления Германии и СССР, чего добивалась германское руководство и сознательно избегаало руководство советское, придав своей «запоздалой» акции форму справедливой миссии по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии, когда судьба Польского государства была фактически уже решена. Если же говорить о «боевом сотрудничестве» Германии и Советского Союза, то оно, как известно, предполагает совместные военные действия, которые ни той, ни другой стороной не планировались и не велись (если, конечно, не считать за таковые совместные парады в Гродно, Пинске и Бресте).

Еще один сюжет, который вызывает острые дискуссии в исторической литературе, связан с выяснением причин, характера и значения Договора о дружбе и границе. Довольно широкое распространение в историографии получила точка зрения, согласно которой с подписанием этого договора сложился советско-германский военно-политический союз. Причем одни авторы называют его «незавершенным» [11, С. 209–210], а другие – «окончательно сформировавшимся» [16, С. 345–346]. Обе версии относятся к сфере сознательных или неосознанных исторических заблуждений. Важнейшей международно-правовой нормой любого союзного договора является наличие в его тексте положения о взаимной военной помощи. Такая статья в соглашении от 28 сентября отсутствовала, как не было в нем и других союзнических обязательств (например, не заключать перемирия или мира с противником без обоюдного согласия договаривавшихся сторон). Еще более весомый аргумент, опровергающий вышеупомянутое утверждение, состоит в том, что ни Германия, ни СССР не предусматривали в своих планах создания военно-политического союза. Германское руководство расценивало Договор о дружбе и границе как очередной после пакта о ненападении документ, гарантировавший обеспечение безопасного тыла на время боевых действий против западных держав, после чего, не смотря на договорно оформленную «дружбу», предполагалось осуществить нападение на СССР [4, С. 483]. При таком подходе ни о каких союзных отношениях не могло идти и речи.

Советское руководство, со своей стороны, рассматривало соглашение с нацистской Германией в контексте решения главных стратегических задач: укрепления геополитических позиций за счет присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии, а также расширения зоны влияния на Балтийском побережье. Дополнительным, но крайне важным мотивом заключения данного договора стала политика «странной войны». Расчет Кремля на ожесточенную «межимпериалистическую схватку» не оправдывался. Чуть позже И.В. Сталин с известной долей раздражения заметил: «Воевать-то они воюют, но война какая-то слабая: то ли воюют, то ли в карты играют» [18, С. 348]. В Москве воспринимали «странную войну» как убедительное свидетельство намерения западных держав заключить мир с Третьим рейхом, направив его агрессию на Восток. Договор о дружбе и границах и был призван сорвать эти замыслы (реально существовавшие или преувеличенные), обезопасить себя за счет использования и в какой-то мере поощрения вооруженной борьбы между «империалистическими хищниками». Понятно, что такая постановка задач входила в противоречие с приписываемым советскому руководству стремлением к созданию военно-политического союза с гитлеровской Германией.

Следует отметить, что, подписав соглашение, Советский Союз сумел реализовать все вышеперечисленные цели и задачи, в том числе две наиболее важные с геополитической точки зрения: перенос границы на запад и получение свободы действий в Прибалтике. Далеко не случайно уже в конце сентября – начале октября 1939 г. СССР добился заключения пактов о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой. В соответствии с этими договорами стороны обязывались оказывать друг другу помощь «всеми средствами, включая военные» в случае нападения на них «любой европейской державы»; Советский Союз получал право разместить на территории прибалтийских государств свои воинские контингенты и «создать морские и

воздушные базы»; «стороны договорились не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных друг против друга»; правительство СССР «безвозмездно передавало Литве город Вильнюс с прилегающей областью, захваченные Польшей в 1920 г. и освобожденные Красной армией в 1939 г.» [5, С. 138–140, 161–163, 173–175]. Заключенные договоры должны были снять угрозу со стороны Балтийского моря и предотвратить использование его побережья в качестве плацдарма для войны против Советского Союза. Эти договоры устанавливали своего рода протекторат СССР над прибалтийскими республиками.

Еще одним стратегически значимым последствием советско-германского соглашения стало то, что оно перенаправило нацистскую агрессию с Востока на Запад или по крайней мере способствовало этому, так как позволяло Германии избежать войны на два фронта и сконцентрировать свои силы на борьбе против западных держав. Такая трактовка документа позволяет оценить его как дипломатический успех Советского Союза. По сообщению временного поверенного в делах СССР в Италии Л.Б. Гельфанда, Б. Муссолини, ознакомившись с содержанием Договора о дружбе и границе, заявил: «...Теперь Сталин положил Гитлера к себе в карман», после чего дал разъяснения, которые сводились к тому, что «Москва в нужный момент подстегнула» фюрера и он «будет вынужден» и дальше вести войну против Англии и Франции [5, С. 144]. 23 ноября 1939 г. на совещании руководителей вермахта А. Гитлер с прямой ссылкой на договор, заключенный с СССР, пришел к выводу: «Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе» [4, С. 483].

Конечно, нельзя не признать, что советско-германское соглашение носило аморальный и противоправный характер, поскольку в нем юридически оформлялся раздел территории государства, потерявшего свою независимость в результате насильственных действий. Однако в условиях агрессии Германии единственной альтернативой «аморальному договору» для СССР было бездеятельное и молчаливое наблюдение за дальнейшим продвижением нацизма в восточном направлении, к границам Советского Союза. И это хорошо понимали на Западе. Показательно, что несмотря на резко критическую оценку действий СССР в сентябре 1939 г. со стороны английской и французской прессы, политическая элита западных держав отнеслась к ним достаточно спокойно [15, С.131–132, 139]. Эти действия рассматривались как определенное сужение экономической и стратегической базы нацистской Германии, как меньшее зло по сравнению с германской оккупацией всей польской территории и, наконец, как возможность образования в будущем нового фронта борьбы с гитлеризмом. Четче других политических деятелей Запады эти соображения сформулировал У. Черчилль в своем радиовыступлении 1 октября 1939 г.: «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы было явно необходимо, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует, и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть» [19, С. 204–205].

Следует упомянуть еще о двух обстоятельствах, связанных с характеристикой Договора о дружбе и границе. Широкое распространение в исторической литературе получил тезис о том, что этот договор юридически оформил «четвертый раздел Польши» [14, С. 96–108]. С данным определением можно согласиться, но при одной существенной оговорке: в новом разделе участвовала только нацистская Германия, в то время как Советский Союз, будучи правопреемником Российской империи, восстановил свои права в соответствии с третьим разделом Речи Посполитой 1795 г., вернув территории, принадлежавшие России и захваченные у нее Польшей в 1921 г. Другое утверждение, довольно популярное среди историков-новаторов, сводится к тому, что СССР, заключив договор с воюющей державой и возложив вместе с ней ответственность за продолжение вооруженного конфликта на Англию и Францию [5, С. 136–137], фактически и сам вступил в мировую войну [14, С. 96–98; 12, С. 8–10]. Подобное заключение трудно отнести к сколь-либо адекватному отражению исторической действительности. Советский Союз не объявлял войны и не вел военных действий ни против Германии, ни против англо-французской коалиции. Более того, 17 сентября, в день, когда начался Польский поход

Красной армии, Совет народных комиссаров направил ноты в посольства 24 стран, имевших дипломатические отношения с СССР, в которых подтверждалось сохранение Советским Союзом нейтрального статуса [5, С. 96–97]. Что касается не формального, а «фактического» участия СССР в войне в качестве «партнера» Германии по Договору о дружбе и границе, то здесь уместно краткое теоретическое отступление. Вторую мировую войну можно рассматривать не только как глобальный кровопролитный конфликт, но и как процесс смены международных систем, сопровождавшийся изменениями в расстановке сил, захватом чужих территорий и перераспределением сфер влияния. С сентября 1939 г. Советский Союз, не объявляя войну, участвовал именно в этом процессе, и, что еще важнее, не на стороне нацистской Германии, а как третья нейтральная сила, реализовавшая свои собственные геополитические интересы.

Заключение

В начале октября 1939 г. завершился первый период начального этапа мировой войны. Важнейшим его итогом стало изменение соотношения сил между воюющими державами в пользу нацистского агрессора. Оккупировав значительную часть Польши и заключив договор с СССР, обеспечивавший ей безопасный тыл, гитлеровская Германия усилила свои стратегические позиции и могла сконцентрировать военную мощь для осуществления своей экспансионистской программы на западном направлении. Международное положение Англии и Франции значительно ухудшилось, так как, предав Польшу, они потеряли главного союзника в Восточной Европе. По сути дела, западные державы потерпели первое поражение еще до начала боевых действий с вермахтом. Не менее важным фактором, влиявшим на соотношение сил, стало кардинальное различие в военно-стратегических установках: пассивно-оборонительному курсу англо-французской коалиции противопоставлялся курс агрессивно-наступательный, что давало огромное дополнительное преимущество нацистской Германии. Из великих держав, придерживавшихся нейтралитета в европейской войне, в «наибольшем выигрыше оказался Советский Союз» [20, С. 10]. Однако его геополитические успехи, о которых было рассказано выше, имели и оборотную сторону. Они, как это ни парадоксально звучит, содержали в себе вновь приобретенные угрозы и трудности. Одна из них состояла в том, что нацистская Германия имела теперь общую границу с СССР и могла использовать оккупированную польскую территорию в качестве удобного плацдарма для нападения на Советский Союз. Другая была связана с необходимостью быстрого и эффективного укрепления новых рубежей и освоения новых сфер влияния.

Дальнейшее развитие событий напрямую зависело от положения дел на Западном фронте, от планов и действий противостоявших друг другу англо-французской коалиции и нацистской Германии.

Библиография

1. Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. М., 1998.
2. Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939. М., 2004.
3. Гриф секретности снят. М., 1993.
4. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 2 т. М., 1973. Т. I.
5. Документы внешней политики СССР. 1939 год. Т. 22. Кн. 2. М., 1992.
6. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 3. М., 1974.
7. Коминтерн и Вторая мировая война. В 2 ч. Ч. 1. М., 1994.
8. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001.

9. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000.
10. Молотов В.М. О внешней политике Советского Союза. М., 1939.
11. Некрич А.М. 1941, 22 июня. М., 1995.
12. Орлов А.С. СССР – Германия: август 1939 – июнь 1941 г. М., 1991.
13. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
14. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992.
15. Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. М., 1997.
16. Системная история международных отношений. В 2 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2006. Т. 1.
17. СССР – Германия. 1939–1941 гг. В 2 т. Вильнюс, 1989. Т. I.
18. Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 348.
19. Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. Т. I. М., 1991. С. 204–205.
20. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха / Пер. с англ. В 2 т. М., 1991. Т. II.

THE GERMAN-POLISH WAR AND THE POLICY OF THE SOVIET UNION

Gorokhov V.N.

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article deals with the German-Polish war in September-October 1939 and the actions of the USSR leadership against the background of the invasion of Poland by the Third Reich. Special attention is paid to the preparation, goals, course and results of the Polish campaign, the main outcome of which was the successful realization of strategic tasks set for the Red Army by the party-state leadership of the country. The provisions of the Treaty of Friendship and Boundary of September 28, 1939 between the USSR and Germany are analyzed, its different assessments in historiography are given, its significance in the context of the realization of geopolitical tasks of the Soviet Union and Germany is considered. The Treaty established a demarcation line “as a boundary between mutual state interests” on the territory of former Poland. Hitler's Germany, as a result of the German-Polish war and the conclusion of the treaty with the USSR, was able to concentrate its military power to implement its expansionist pro- program in the western direction, while the international positions of Great Britain and France significantly deteriorated. Despite the geopolitical successes of the USSR, such as moving the border to the west and gaining freedom of action in the Baltics, the existence of a common border with Germany was the flip side of the bilateral treaty and posed a threat: Polish territory occupied by the Third Reich could be used as a springboard for an attack on the Soviet Union.

Keywords

World War II, German foreign policy, Soviet foreign policy, Friendship and Boundary Treaty